

Если стремление нарываться на смерть — талант, то Янь Юаньчэн был редчайшим гением из десяти тысяч.

— Издеваться? — повторил Пэй Сюньчжи и не отрываясь посмотрел на него. — Достопочтенный Янь, расскажите-ка, как именно Мы издеваемся над вашим сыном?

У Янь Тина тут же перестала болеть голова, прошла ломота в пояснице, даже одышка исчезла. Он попытался сесть и объяснить.

Пэй Сюньчжи прикрыл ему рот ладонью.

— Не говори. Мы хотим послушать твоего отца.

Янь Юаньчэн, разумеется, не подвёл.

Как чиновник он не добился ничего выдающегося. Зато в искусстве нести несусветицу создал собственную школу, и догнать его было невозможно.

— Я сам вырастил этого ребёнка и знаю его лучше всех. Стоит ему хоть немного обидеться — сразу ревёт и буянит. А сейчас он болен настолько, но только лежит под одеялом и даже не смеет пожаловаться, что ему плохо. Если это не издевательство, то что?!

Пэй Сюньчжи приподнял бровь.

Янь Тин наконец вырвался и указал наружу:

— Папа, если тебе совсем нечем заняться, можешь пойти с Лоло лепить из грязи.

Янь Юаньчэн больше ничего не сказал. Только осторожно посмотрел на лицо Пэй Сюньчжи и поспешно ушёл.

Наконец проводив эту ходячую катастрофу, Янь Тин потянул Пэй Сюньчжи за рукав. Тот всё ещё смотрел на дверь.

— Ваше Величество ведь не правда рассердились?

Пэй Сюньчжи только тогда отвёл взгляд, ущипнул Янь Тина за щёку и ровным голосом ответил:

— С чего Нам сердиться?

А следом добавил:

— Тайный стражник, приносивший донесения, сказал, что твой отец живёт очень стеснённо. Слуг в доме больше нет, даже стирать и готовить приходится самому. Мы хотели было пожаловать ему кое-что. Но теперь видим: с таким умом он вполне прокормится и без Нашей заботы.

На слово «ум» прямо-таки просились кавычки.

Он всё же рассердился.

На самом деле подарки Янь Юаньчэну и не требовались. Пока Янь Тин оставался императорской наложницей, чиновники со своими скрытыми расчётами сами наперебой будут заискивать перед его отцом.

Янь Тин тихо кашлянул и совершенно серьёзно сказал:

— Моему отцу только за сорок, самый возраст строить карьеру. Замёрзнет он насмерть или умрёт с голоду — к Вашему Величеству это отношения не имеет. Ради меня не сердитесь на него, хорошо?

Пэй Сюньчжи остался невозмутим:

— Кто сказал, что Мы сердимся? У Нас всё прекрасно.

...Оказывается, тиран, который в глазах посторонних убивает людей как траву косит, тоже умеет капризничать.

— Правда не сердитесь? — Янь Тин склонил голову набок. — Тогда почему Ваше Величество не улыбнётся?

Во взгляде Пэй Сюньчжи мелькнуло что-то едва заметное.

— Мы от природы не любим улыбаться.

— А я тогда от природы люблю плакать, — надул губы Янь Тин и прямо на глазах поднял руку к лицу, будто вытирая слёзы.

Пэй Сюньчжи решил, что он действительно плачет, и наклонился. Но Янь Тин убрал ладонь — и под ней обнаружилась весёлая улыбка.

Он обнял Пэй Сюньчжи за шею, поцеловал в щёку и спросил:

— Вашему Величеству теперь хоть немного веселее?

Такого мимолётного прикосновения явно было недостаточно.

Но Янь Тин всё ещё болел, поэтому Пэй Сюньчжи лишь наклонился и долго целовал его. После большим пальцем провёл по влажным мягким губам.

— Уже второй раз обманываешь императора. Надо подумать, как тебя наказать.

Говорил он одно, но выражение лица уже не было таким напряжённым, а уголки губ едва заметно стремились вверх. Значит, способ Янь Тина действительно работал.

Янь Тин с улыбкой спросил:

— Ваше Величество так близко. Не боитесь заразиться моей простудой?

Пэй Сюньчжи поправил ему спутанные после сна волосы.

— У Нас жизнь крепкая. С детства болели больше десяти раз и каждый раз выкарабкивались. Чего бояться какой-то простуды?

Это напомнило Янь Тину один из сюжетных эпизодов, о которых рассказывала система Люлю.

— Говорят, у покойного императора была наложница Шу. Она сама не могла иметь детей и потому тайно вредила императорским отпрыскам. Стоило какому-нибудь принцу или принцессе лишиться благосклонности государя — она будто бы убивала их колдовством. Раз Ваше Величество столько раз болели, это тоже было её рук дело?

— Никакого колдовства. Просто за опальными принцами и принцессами никто не следил, и ей было легче действовать, — ответил Пэй Сюньчжи. — Она запускала ядовитых змей в Наш двор, сталкивала Нас в лotosовый пруд, однажды специально приставила к Нам служанку с чахоткой. Но Мы всё равно слишком живучи, чтобы умереть.

Да уж, жизнь у него действительно была железная.

Наверное, наложница Шу до самой смерти не понимала, почему его так трудно убить.

Видя, что Янь Тину явно нравится слушать подобные истории, Пэй Сюньчжи продолжил:

— Хочешь узнать, как умерла она?

Как и ожидалось, Янь Тин закивал так быстро, будто клевал рис.

Пэй Сюньчжи улыбнулся:

— Можем рассказать. Поцелуй Нас.

Янь Тин послушно выполнил условие; жажда знаний была написана у него на лице.

И Пэй Сюньчжи рассказал:

— Тогда её уловки следовали одна за другой. Мы боялись и ночью пришли в императорский сад, чтобы подкараулить её на дороге и притвориться призраком. Кто бы мог подумать: столько зла сделала, а сама оказалась трусихой. От испуга оступилась на камне, упала и свалилась в лотосовый пруд.

Жизнь у неё оказалась тоньше бумаги. Когда её вытащили, она уже была мертва. И умерла даже не от утопления, а от удушья, вызванного приступом сердцебиения.

Иными словами —

Она буквально умерла от страха.

— А ещё? А ещё? — Янь Тин слушал всё с большим интересом. — Какие ещё забавные истории были у Вашего Величества в детстве?

— Хочешь послушать? — Пэй Сюньчжи взял прядь его волос и намотал на палец виток за витком. — Но Нам сейчас нужно идти в Императорский кабинет разбирать дела.

Словно на голову вылили таз холодной воды. Весь энтузиазм Янь Тина угас.

Он расстроено сжал одеяло.

— Тогда Ваше Величество сначала...

— Если попросишь Нас остаться, — перебил его Пэй Сюньчжи. Обычно холодные черты будто смягчились, словно лёд начал таять. — Мы можем нехотя побыть с тобой ещё немного.

Всё-таки в Юйчжао сейчас царили мир и порядок. Доклады, которые ему присылали, в лучшем

случае можно было назвать государственными делами, а в худшем — кучей семейной и бытовой чепухи.

Например: великий военачальник Люй стал отцом и просил императора придумать сыну имя; министр Сюй упал с лошади, когда пытался ехать вверх ногами, сломал ногу и просил прислать императорского лекаря; инспектор Лу съел подряд шесть пирожных и подавился насмерть.

Эти чиновники, которым явно нечем было заняться, наверняка хотели довести его до сердечного приступа и заодно сменить императора.

Янь Тин задумался над сказанным. Если действительно удержать его здесь, скоро народ, пожалуй, будет называть Пэй Сюньчжи уже не тираном, а государем, забросившим дела ради удовольствий.

А он, Янь Тин, станет наложницей-чаровницей, погубившей державу Юйчжао.

□Всё нормально, папа. Я только что проверил: среди этих дел нет ни одного срочного.□

Услышав это, Янь Тин решил окончательно оправдать звание наложницы-чаровницы.

Он подвинулся к внутреннему краю постели и специально оставил Пэй Сюньчжи место. Персиковые глаза были мягкими и томными, как весенние воды Цзяннани; уголки чуть изогнулись, соблазнительно притягивая взгляд.

— Ваше Величество, ложитесь рядом и рассказывайте мне не спеша, хорошо?

Он протянул к Пэй Сюньчжи руку. Редкие бусины из нефритизированного белого камня на его запястье ещё сильнее подчёркивали тонкость длинных пальцев и белизну кожи.

<http://bllate.org/book/19030/1869141>